

ВАЛЕРИЙ
ШАРАПОВ

СЕКРЕТНАЯ ГЛУШЬ

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

Валерий Шарапов

Секретная глушь

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рос)6-44

Шарапов В. Г.

Секретная глушь / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,
2026 — (Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив)

ISBN 978-5-04-251599-6

1946 год. В одном из отдаленных районов Смоленской области обнаружен зарезанным бывший полицай, прислуживавший в здешних местах во время оккупации и пропавший вместе с фашистами после их отступления. Свидетели утверждают, что незадолго до происшествия видели, как этот тип выходил из урочища, о котором ходили страшные, почти неправдоподобные слухи. Местные поговаривали, что смельчаки, проявлявшие интерес к урочищу, заканчивали жизнь трагически. Участковый лейтенант Глеб Соснин решает в одиночку проверить, как могут быть связаны мистические легенды о гиблом месте с чередой таинственных смертей. Оперативник даже не предполагал, какая опасность поджидает его там, в глуши...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рос)6-44

ISBN 978-5-04-251599-6

© Шарапов В. Г., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Валерий Георгиевич Шарапов

Секретная глушь

© Шарапов В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава первая

Ночь на понедельник, 20 мая 1946 года.

Страшный сон сменился страшной явью – в дверь кто-то громко колотил.

– Глеб Максимович, вставайте! – взволнованно кричал мужчина. – Это Карпов, у нас ЧП! Кротов зарубил жену!

Глеб соскочил с кровати – одуревший, взъерошенный. Пришла беда, откуда не ждали. Он даже не сразу сообразил, кто такой Кротов, и замотал головой, чтобы избавиться от дури. Бесполезно, ее ничем не выбить. В дверь тем временем продолжали колотить. Егор Васильевич, председатель сельсовета, что-то отчаянно и с надрывом кричал. Глеб, прыгая на одной ноге, влез в брючины, натянул сапоги, набросил на плечи китель. И где эта чертова кобура? Найдя ее, Глеб кинулся к двери и открыл ее. Свет от тусклой лампочки плясал по лицам людей. Егор Васильевич был бледен, как мертвец. За его спиной кто-то еще маячил.

– Ужасная ситуация, Глеб, – зачастил Карпов. – Поздно сообщили, мать их за ногу... Они еще с полуночи начали ссориться... Ну как ссориться – Ванька орал, кричал, что она изменяет ему со всеми подряд, что таращится во все гляделки на нового участкового – на тебя то бишь... Анастасия плакала, мол, не виновата ни в чем, он сам все выдумал. Но Ваньку было уже не остановить – взбеленился мужик и зарубил ее...

– Как это – зарубил?!

– Ну так это... топором...

Глеб скатился с крыльца и бросился к калитке. Кажется, он вспомнил Ваньку... Одноногий фронтовик – угрюмый, ненавидящий все человечество, особенно тех, кто живет вокруг него. Пил, сидел на каких-то лекарствах. Однажды пообщались – было видно, что человек едва держится, чтобы не взорваться. А Анастасия – скромная, миловидная, с вечно уставшим лицом и виноватой улыбкой. Вот какого черта жила с этим бирюком? Любила? Ага, щас! Русских баб никаким умом не понять. В них можно только верить, если переиначить классика...

Он выбрался из калитки, побежал через дорогу в проулок – на параллельную Советскую улицу. Грязь на проезжей части никогда не высыхала, но ладно, на то и сапоги...

Искать избу не пришлось, у ограды стояли люди. Тревожно переговаривались деревенские бабы, покачивался, опираясь на клюку, старик. Анастасия недавно покрасила наличники, и они белели в полумраке. Чадила керосиновая лампа на столбе, пахло сыростью и дымом. В доме не переставая орал мужик, крушил топором мебель, бил посуду.

– Глеб Максимович! – бросилась к нему наперерез соседка через дорогу, Авдотья Лямишева. – Как хорошо, что вы пришли... Ванька Кротов совсем с катушек слетел, посмотрите, что творит...

Кто-то у ограды взволнованно вещал, что сам видел, как Кротов жену зарубил – вот, ей-богу, честное-пречестное! Это просто ужас!

– Он же таблетки постоянно пьет, – вспомнил кто-то. – А еще бухает, вот и тронулся умом, скотина... Бедная Анастасия... У нее же мать на другом конце деревни живет... Как же теперь старушке...

– Глеб Максимович, вы куда? – спохватилась Авдотья и схватила его за болтающуюся полу кителя. – Он же вас того... топором...

Глеб раздраженно оторвал от себя ее руку и шагнул за калитку. Стукнул ногой по двери, распахнув ее настежь, прогремел тазиками по крохотным сеням. В горнице горел тусклый свет. Картина предстала страшная – такая всю жизнь потом мерещится. В горнице царил разгром. Все в крови, в бутылочных осколках. Стол и стулья порублены в труху. Истерзанный труп в домашнем халате. Рубил свою суженую Кротов старательно, ни одного участка не пропустил.

Теперь этот кряжистый одноногий мужик в болтающейся рубаше добивал топором сервант. Вся посуда валялась на полу, в основном битая. Он резко повернулся на шум, уставился исподлобья. Лицо перекошено, глаза налились кровью. Уже не человек, а какой-то дикий зверь в человеческом обличье.

– Ага, и с тобой, участковый, хотел поговорить... – прохрипел каким-то рваным басом Кротов. – Признайся, спал с моей женой?

Обсуждать было нечего: конечно, не спал. Но разве докажешь? Громила с хриплым выдохом швырнул топор в сторону Глеба, тот даже икнуть не успел. Индеец хренов! Топор вонзился в косяк рядом с его головой, расколол дерево и прочно вошел внутрь. Инвалид взревел и с какой-то невероятной прытью бросился на участкового. Служебный «ТТ» находился в руке Глеба, и он успел бы выстрелить, но не стал этого делать. А Кротов навалился на него, обдав потом и сивухой. Страх ударил в голову, но ненадолго. Глеб тут же нанес удар Кротову кулаком в живот – пусть с короткой дистанции, но постарался. Инвалид шумно выдохнул, стал падать, при этом потащил Глеба за собой! Пистолета в руке уже не было, вот же черт... Они катались по полу, дружно орали, отвешивали друг другу удары... Вспыхнула боль в запястье – напоролся на осколок. Под спиной хрустело стекло. Глеб бил точнее – в живот, по почкам. Одолеть этого борова было сложно. Какой он, к чертовой матери, инвалид! Кротов вдруг выгнул спину, и Глеб, воспользовавшись этим, ударил его точно в челюсть. Глаза съехались в кучку, но подвижности Кротов не утратил – вскочили одновременно. Но потом он захрипел, начал терять сознание, глаза его помутнели... Он сделал нетвердый шаг, но тут же получил в грудь, отлетел, вывалив кирпич из угловой части печки, и, ударившись хребтом об пол, взвыл. Оторвался от ноги примитивный протез и куда-то ускакал. Кротова рвало, он ползал по полу в месиве крови, рвоты и осколков, зачем-то обнял ногу жены. Зрелище было жалкое.

Глеб встал, переводя дыхание, поднял пистолет и убрал его в кобуру. Хорошо, что не выстрелил... Потом прижал инвалида коленом к полу, бельевой веревкой, валявшейся на печке, связал ему руки за спиной. Кротов брыкался, хрипел что-то непереводимое.

Тут в проеме показалась бледная физиономия Карпова. Окинув взглядом пространство, он издал подозрительный горловой звук. Отстранив председателя сельсовета, следом вошел нескладный, рослый Пригорницкий – председатель колхоза. Он пошатнулся, в глазах мелькнул ужас, а потом стал тискать почти оторвавшуюся пуговицу на пиджаке. Следом за ним вбежал еще кто-то, голосили бабы, кого-то рвало.

– Ты молодец, Глеб Максимович... – выдавил из себя Карпов. – Кабы не ты, этот хрен пошел бы всю деревню разносить...

– Да все нормально, Егор Васильевич, – отмахнулся Глеб. – Делаем работу как можем. Объясните, почему соседи тянули, поздно сообщили? Женщина была бы жива...

Егор Васильевич отвел глаза – ответа у него не было. Все сильны задним умом. Кто же знал, что у Кротова снесет крышу и он устроит такую мясорубку? Ведь казался безобидным инвалидом – немного угрюмым, немного не от мира сего.

Пригорницкий отборно выругался, схватил Кротова за шиворот и шмякнул его носом об пол. Глеб отвернулся и вышел в сени. Болела рука, из запястья торчал бутылочный осколок. Он пристроился на перевернутом баке, извлек осколок, перемотал запястье носовым платком, который тут же пропитался кровью.

Прибежал прихрамывающий фельдшер Карамзин Олег Михайлович, мужик за сорок, какой-то бесцветный, похожий на воблу. Увидел, что содеял с супругой Кротов, и схватился за голову, глядя на труп с каким-то пещерным страхом. Медицинская помощь женщине уже не требовалась. В избу стали заходить сельчане. Проходя мимо Глеба, сидящего на баке в расстегнутом кителе, они с сочувствием смотрели на него. Выла горластая Кузьминична, соседка Кротовых. Морга в деревне не было, имелся лишь холодный подвал под фельдшерским пунктом, туда и потащили на носилках потерпевшую. Тюрьму в Шамарах тоже как-то не построили,

единственное зарешеченное помещение находилось в подвале под кабинетом деревенского участкового. Правда, кабинет – слишком громко сказано: всего лишь комнатка в пристройке к сельсовету. От дома Кротовых десять минут ходьбы.

Убийца еще не до конца понял, что натворил, он злобно сверкал глазами, бурчал что-то нескладное. Его подняли совместными мужицкими усилиями, награждая тумаками, сунули под мышку костыль, чтобы сам переставлял свою единственную ногу. Протез не тронули, перебьется без протеза – в умелых руках это то же самое оружие. Он ковылял, а если начинал брыкаться, тут же получал пинки и оплеухи. Вскоре вообще притих, только всхлипывал...

До своей хибары Глеб добрался только к четырем часам утра – полностью разбитый. Отокнул калитку, поплелся по дорожке, устланной сетками от ульев. Поверх трухлявых половиц крыльца лежал жестяной лист – без него половицы давно бы провалились. Домик был маленький, всего две комнатки. Пол скрипел, перекошенные оконные рамы не открывались. Стены и потолок, когда-то беленные известью, вздулись и растрескались. Мебель тоже была ветхой. До Соснина тут жила старушка «божий одуванчик», скончалась она, слава богу, не в доме, а в районной больнице еще в далеком 41-м году. Жилище находилось на балансе сельсовета и практически пять лет пустовало. Когда он прибыл в Шамары три месяца назад и увидел все это, звериная тоска вцепилась в глотку – неужели это все теперь его?

Но человек ко всему привыкает. Снег растаял, грязь местами высохла, душа успокоилась. Деревья зеленели, воздух согревался – и оказалось, что жить можно. Главное, не думать о том, что потерял.

Остаток ночи Глеб ворочался, пугая мышей душераздирающим скрипом кровати, – перед глазами стояла мертвая женщина. Забылся он только под утро, а в восемь часов вскочил: надрывно дребезжал будильник – злейший враг человека. Он поставил чайник на обросшую ржавчиной спираль электроплитки, выбрался на улицу, сполоснулся в бочке, там же почистил зубы детским зубным порошком – чего-то более подходящего в сельмаге не было. С соседнего участка подглядывала моложавая соседка, потерявшая мужа два года назад – зловещее письмо в треугольном конверте пришло уже после освобождения Смоленщины. Красоткой эта особа не была. Она грустно смотрела из-за сарая (мол, не едим – так хоть поглядим), а потом все же решилась:

– Доброе утро, Глеб Максимович! Ну, и как вы здравствуете?

– Доброе утро, Матрена Силантьевна! – отозвался Глеб. – Здравствуем потихоньку, не жалуемся. А вы, смотрю, чуть свет, и уже в заботах?

– Это для вас, Глеб Максимович, чуть свет, – вздохнула Матрена. – А для нас день уже скоро кончится. Заходите вечером, яичек дам.

За спиной у соседки в кособоком курятнике кудахтали тощие куры, вяло кукарекал петух-заморыш.

– Зайду, Матрена Силантьевна, – пообещал Глеб. – Как-нибудь обязательно зайду.

Он перекинул полотенце через плечо и отправился в дом, провожаемый женским взглядом. О трагическом ночном происшествии соседка, по-видимому, еще не знала.

Настроение было отвратительное. Немало трупов повидал на своем веку Глеб Соснин. Случались моменты, когда трупов вокруг него было больше, чем живых. И все равно привыкнуть не мог: не имели права привлекательные, ни в чем не повинные женщины умирать молодыми...

Милицейский китель сидел на нем неплохо. Лейтенантские погоны уже не отрывались – пришил суровой ниткой. Блестели начищенные ваксой сапоги – надолго ли? Из зеркала, покрытого несмываемой мутью, смотрел усталый, бледноватый мент тридцати четырех лет от роду. Круги под глазами (тоже несмываемые), в принципе побрит, жесткий короткий «ежик»

на макушке. Он критически разглядывал свое отражение. Все как обычно – но с каждым днем в нем что-то менялось, причем не в лучшую сторону...

Время до работы еще оставалось, и он сел на крыльцо и закурил папиросу, критически оглядывая свои владения. Огородик был маленький, запущенный. Если что-то доброе из земли и пробивалось – то только зонтики укропа. Садовод-огородник из него был, мягко говоря, не лучший. Никогда не возделывал землю – не стоило и начинать. Вдоль забора росла запущенная малина – лишь недавно начала зеленеть. Приятно припекало солнышко, хотя не сказать, что было жарко. Май в этом послевоенном году выдался прохладным, солнце появлялось не часто, через день шли дожди, превращая дороги в разливы грязи, а местных колхозников избавляя от необходимости поливать свои чахлые огородики.

Воздух насыщали прелые ароматы навоза и прошлогоднего сена. По дороге под присмотром пастушка проплелись три коровы – шли понурые, словно приговоренные к расстрелу. Пастушок смерил сидящего на крыльце милиционера надменным взглядом и задрал нос – как же, неприкасаемая каста. Проехала колхозная полуторка с прохудившимися бортами. В кузове покачивались женские головы. Словно штыки трехлинейек, торчали в небо штыки лопат.

– Здравия желаем, Глеб Максимович! – нестройно, но задорно выкрикнули женщины. А самая бедовая добавила: – Давайте с нами, на сеновале полежим!

Глеб помахал девчатам рукой, наблюдая, как полуторка исчезает за околицей. Колхоз, которым руководил Григорий Петрович Пригорницкий, дышал на ладан, хозяйство загибалось, а партийные товарищи из района выносили Григорию Петровичу последнее «китайское» предупреждение. Какие-то работы еще проводились – надежда оставалась на энтузиазм сельских тружеников и нового агронома, который никак не мог доехать до Шамар.

Время для расслаблений закончилось. Глеб поднялся, одернул полы кителя, поправил ремень с начищенной детским порошком бляхой и зашагал выполнять поставленные страной задачи. Сегодня было ясно, сухо, практически тепло, но настроение у сельских жителей было не праздничное. Переговаривались соседи через ограду, опечаленно покачивали головами. Ваньку Кротова не жалели – мужик давно съехал с катушек, потерял человеческий облик. Нарушенная психика превратила его в какого-то бешеного зверя. Но Анастасию было жалко. Хоть и дура, что с ним жила, все равно жалко.

В пристройке к сельсовету размещался так называемый опорный пункт милиции. Короткий коридор, санузел с проблемным унитазом, два помещения. Первое было забито старой мебелью, которую председатель Карпов строго запретил выбрасывать, во втором размещался кабинет участкового. Письменный стол с парой выдвижных ящичков, три стула (два из которых хронически были завалены бумагами), дышащий на ладан шкаф. Еще имелся сейф – ржавый, несгораемый, из тех, что можно вынести только экскаватором. Со скверным характером, но в целом штука полезная. Портретов руководителей партии и правительства Глеб не держал – не тот уровень ответственного работника. Иконы для работы и не требовались. В окне, переклеенном полосками изоленты, виднелась неровная ограда из штакетника, улица Советская. Напротив сельсовета – сельмаг с выцветшей вывеской «Продукты и промтовары». У крыльца магазина разгружалась подвода с молочными бидонами. Две физически развитые женщины поднимали их на крыльцо, втаскивали внутрь. За их работой отрешенно наблюдал, покуривая, анемичный «погоняла кобылы» из райцентра. Иногда вдоль ограды проходили местные бабы в платочках, украдкой косились на окна «приемной» Соснина. Во взглядах проглядывал не только бабий интерес, но и уважение – мол, целого Ваньку заломал. Слухи по деревне разносились с космической скоростью. Новый участковый пользовался бешеным успехом. Почти каждая обитательница Шамар мечтала пристроить его в мужья – или хотя бы временно попользоваться. Мужчина видный, немногословный, бывший военный – да такого здесь отродясь не видели!

Но Глеб держался стойко – женское общество, тем более на постоянной основе, не требовалось.

Деревушка Шамары была среднего пошиба, дворов под сотню, две улицы – Советская и Первомайская, соединенные не просыхающими переулками. Бабье царство, мужиков практически нет, всех война повыбила, а если и были – то десяток калек и пенсионеров плюс «высокое начальство» Карпов и Пригорницкий. Живыми с войны вернулись только Мишка Громов – сейчас он работал водителем Егора Васильевича, фельдшер Карамзин, может, еще парочка...

Завалов с работой пока не предвиделось. За ночь никого не отмузузили, не своровали сохнувшие на веревке панталоны. С преступностью в деревне было слабовато, ночной инцидент – из ряда вон.

К отдыхающим подошел председатель колхоза Пригорницкий, начал что-то злобно вещать – дескать, заняться в колхозе, что ли, нечем? Бабы не бузили, стали расходиться. «Вот и началось в колхозе утро», – подумал Глеб.

Он подошел к окну, сделал попытку открыть форточку. Старая рама закрипела, немного поддалась – и на том спасибо. Он стоял у окна и погружался в какое-то липкое оцепенение. Этот мир был чужой, он никак не мог к нему привыкнуть, душа противилась, ночами скручивала тело в бараний рог. А что он хотел? Ссылка отнюдь не почетная. Радуйся, товарищ бывший капитан, что в Магадан за колючку не отправили...

В стране царила разруха, народ влачил жалкое послевоенное существование. Память о войне жила в головах – каленым железом не вытравить. Деревня два года находилась под оккупацией, такое разве забудешь? Страна восстанавливалась ударными темпами. Возможно, в городах и крупных поселках жили лучше. Там появлялись какие-то товары, спекулянты торговали трофейным добром. Население имело относительную свободу – во всяком случае, право перемещаться по стране. Про малые деревни, казалось, забыли – они пребывали в плачевном состоянии. Люди были привязаны к своей территории, паспортов в основной массе не имели, жизнь зависела от решимости и умения местных властей.

Тут раздался стук в дверь, Глеб вышел из оцепенения, вернулся за стол и крикнул:
– Войдите.

Вошла, а вернее, всплыла дородная, еще сравнительно молодая особа – Евдокия Корнеева, местная «веселая вдова», потерявшая мужа еще в далеком сорок первом. Принарядилась, брошка в волосах, на плечах нарядный платок, а в глазах... ну, столько всего, что лучше в них и не смотреть.

– Здравствуйте вам, Глеб Максимович, – вкрадчиво поздоровалась Евдокия. Вчера она, кажется, присутствовала при инциденте с Кротовыми. Но это и понятно, без Евдокии в этой деревне ничего не происходило.

– И вам, Евдокия Прохоровна, – вздохнул Глеб. – Случилось что или так, минутка свободная выдалась?

– Конечно, случилось, – промурлыкала Евдокия, буквально облизывая участкового приторным взглядом. – Вот, пирожков вам напекла. – Она положила на стол узелок. – Вам же ночью несладко пришлось, я видела, как вы там... – Евдокия поколебалась: – В общем, покушайте, Глеб Максимович, пирожки вкусные, с картошкой, с вечера напекла... Вам же некогда готовить, да и кто будет готовить? Не откажите, очень вас прошу... А если понравится, еще напеку. Могу хоть каждый день пирожки печь или что-нибудь другое, вы только скажите...

– Евдокия, ну зачем? – строго свел в кучку суровые милицейские брови Глеб.

– О, вы только не волнуйтесь, Глеб Максимович, – зачастила она. – И не подумайте, будто что-то мне должны, это просто так, из самых добрых чувств... Я же все понимаю, у вас такая нужная для всех работа... Просто покушайте пирожки, пожалуйста. А я пойду, хорошо? – Евдокия одарила его еще одним тоскливым взглядом и грациозной походкой направилась к выходу – ну прямо лебедь!

Глеб задумчиво посмотрел на узелок: а вдруг она приворотное зелье добавила? Но голод перевесил сомнения, и он, поднявшись, включил старую электроплитку, поставил на нее чайник с водой. Вернувшись за стол, развязал узелок и стал жевать пирожок, не дожидаясь, пока закипит вода. Расправился с одним, взял второй. Пирожки были вкусные, просто само совершенство. «Жениться?» – мелькнула вдруг мысль и тут же исчезла.

За стеной доносился приглушенный рык Карпова. Председатель сельсовета кого-то допек – похоже, по телефону. Аппарат в его избе звонил не переставая, в отличие от того, что находился под рукой у Соснина. Тот громоздкий, древний телефон, занимающий целый угол стола, большую часть времени проводил в тоскливом молчании. Телефонная связь имела только с райцентром и парой окрестных деревень. Еще один аппарат, если память не подвела, стоял во владениях Пригорницкого – вот и вся связь с внешним миром.

В дверь постучали. Глеб торопливо дожевал пирожок, прикрыл папкой узелок и крикнул: – Войдите!

Дверь отворилась, и вошла еще одна местная жительница – Авдотья Лямишева. Худая, неестественно прямая, темноволосая, и тоже с цветастым платком на плечах, явно извлеченным из «нафталинового» сундучка. В глазах то же томление, что и у Евдокии. Ей было немного за сорок, но смотрелась Авдотья достойно. Оправилась за последние годы. В войну потеряла не только мужа, но и сына. Парню едва исполнилось восемнадцать, как его мобилизовали в первые же дни войны, когда враг рвался к Смоленску, и он погиб в первом же бою. Авдотья все вынесла и нашла в себе силы жить дальше. В период оккупации была связана с партизанами, причем ни разу не попалась.

– Вы позволите, Глеб Максимович? Я буквально на минуточку.

– Сделайте милость, Авдотья Ильинична.

В обеих руках женщина держала через полотенце, чтобы не обжечься, алюминиевую кастрюлю, судя по всему, полную.

– Щей вам наварила, Глеб Максимович, – сказала Авдотья, неприязненно покосившись на узелок с пирожками под папкой. – А то вы все всухомятку да всухомятку. Даже не спорьте, это от всей души, назад не понесу. Супчик свежий, наваристый, вечером сварила, уж не откажитесь принять. Куда кастрюлю поставить?

– Господи, Авдотья Ильинична, ну зачем? Спасибо вам огромное! На стул поставьте, если несложно.

Авдотья поставила кастрюлю, выпрямила спину. Можно сказать, полку претенденток на «высокое звание» явно прибывало. Бабы в деревне были разные, на любой вкус и цвет. Впрочем, с цветом, пожалуй, нет. Цвет у всех был один, серый – от беспросветной жизни, от утрат и несбывшихся ожиданий.

– Вы не бойтесь, Глеб Максимович, не буду вам докучать, пойду, мне еще на работу бежать. Вы только обязательно сегодня съешьте супчик, а то испортится. Ну, если уж совсем никак, то уберите в холодный погреб, а завтра доешьте обязательно. А еще, очень вас прошу, постарайтесь воздерживаться от пирожков, больше налегайте на супы – они полезнее для желудка. Да и для фигуры, как видите...

Авдотья тоже ушла эффектно, словно с театральной сцены. А Глеб подумал, что в его работе не все так уж и беспросветно. Но и неловкость приходилось испытывать. С первого дня в этой деревне он стал объектом пристального внимания. Бабы не давали прохода, чуть ли не в окна заглядывали. Конечно, многие знали, что такое гордость и достоинство, но все равно назойливых дам было предостаточно. Предлагали сделать уборку в доме (и одной это даже удалось), вскопать и окультурить огород. Одна бесцеремонная особа по имени Зинаида полезла в его отсутствие чинить его прохудившуюся крышу, а когда он возвращался с работы, свалилась практически ему на голову! Момент был щекотливый, Зинаида, к счастью, не постра-

дала, только испугалась. Крыша после этой починки еще больше прохудилась, пришлось латать самостоятельно. Соседка Матрена, наблюдавшая эту «эпическую» картину, злобно смеялась...

Было время навести порядок в шкафу. Его предшественник Крутарь, погибший, как говорили, при исполнении служебного долга (слово «героически» при этом не использовали), накопил целый ворох макулатуры. Увы, задумка, к сожалению, осталась нереализованной, потому что в дверь опять постучали. «Ну хватит!» – мысленно взмолился Глеб.

Он не успел отозваться, как вошел председатель сельсовета Карпов – приземистый седоволосый 55-летний мужик с густыми неухоженными усами. Ватная черная безрукавка поверх рубахи была его своеобразной униформой – ни в чем другом Егора Васильевича не видели.

– Позволишь, Максимыч? – буркнул он. – Хотя у тебя минутку посижу, а то надоело с этими бестолочами ругаться...

– Со мной не будете ругаться? – усмехнулся Глеб.

– Да о чем с тобой ругаться? – отмахнулся Карпов. – Ты нам дорогу в деревне не делаешь, водонапорную башню не починишь, агронома не найдешь... Ты этой ночью молодцом выступил – чего мне с тобой ругаться?

– Угощайтесь, – предложил Глеб, убирая папку с узелка.

– Вот это дело, – одобрил Егор Васильевич, мгновенно схватил пирожок и с жадностью зачавкал. – Не иначе Евдокия напекла? Ты с ней осторожнее, баба мягко стелет, а вот заарканит – оглянуться не успеешь, как в кабалу попадешь.

– Не собираюсь я ни в какую кабалу, – пожал плечами Глеб. – Мне ваша Василиса больше нравится, Егор Васильевич. Умная, улыбчивая, вся такая загадочная...

– А главное, не приставучая, – буркнул председатель. – Знаешь, час от часу не легче, Максимыч. С чего это ты вдруг на мою дочурку засмотрелся? Смотри, парень, знаю таких, как ты, – поматросят и бросят. А моя Василиса – создание трепетное, хрупкое, нам такие ухажеры, знаешь ли... – Егор Васильевич задумался, потом взял еще пирожок, поискал глазами, куда бы сесть. Два стула были завалены макулатурой. На третьем стояла кастрюля со щами. Он поводит носом, собрал со стула стопку пожелтевших бумаг, бросил их на пол и сел, скрипнув суставами.

– Фу... Нормально тут у тебя, участковый, едой пахнет... Счастливчик ты, бабы подкармливают. А нам с Василисой хоть бы какая сволочь что-нибудь принесла... Сама стоит у плиты, репу со свеклой варит, меня от них уже тошнит... Ладно, я что к тебе пришел-то? – Егор Васильевич задумался. – Да, то, что ночью случилось, дело вопиющее. Будем разбираться, как проглядели под носом такого зверюгу. Анастасию жалко до слез – Василиса моя всю ночь проплакала. Справная баба была, скромная, не чета этим... – покосился Карпов на кастрюлю. – Ладно, что уж теперь поделаешь, похороним, поскорбим, помянем... Матери ее только утром сообщили, старушка вся в слезах, очень убивается. Ванька, паршивец, ее даже в дом не пускал, терпеть не мог свою тещу, а Анастасии лишь раз в неделю разрешал к ней бегать, и то на пару часов всего... Не понимаю, – пожал плечами Егор Васильевич. – Нет, понимаю, конечно: русские бабы, они участливые, жалостливые, болеющие душой. Но все равно не понимаю. Как там этот упырь? – неожиданно спросил он.

– Пока молчит, Егор Васильевич.

– Вот и хорошо, что молчит, – вздохнул председатель. – Вот, ей-богу, Максимыч, дай мне берданку – лично бы пристрелил эту сволочь, и плевать, что закон нарушаю...

– Вам нельзя, Егор Васильевич, – усмехнулся Глеб. – Вся деревня на вас равняться должна. Вы у нас в одном флаконе – и партийная, и законодательная, и исполнительная власть. Вот если бы вы еще и судебной властью были...

– Не умничай, – поморщился Карпов. – Я же тебе так говорю, образно. Понятно, что все должно быть по суду. Оперуполномоченные из Погребного не приезжали?

– А должны были? – удивился Глеб.

– Конечно, – раздраженно скривился председатель. – Я им в восемь утра звонил, рассказывал, что произошло. Санитарная машина должна подъехать, Анастасию до морга доставить – не здесь же ей лежать. Ваньку в тюрягу увезти надо, провести эти самые... – Председатель наморщил лоб.

– Оперативно-следственные действия, – подсказал Глеб.

– Эти самые, – кивнул Карпов. – Не разгонятся, это ясно, но ведь когда-то должны подъехать? – Он посмотрел на наручные часы и вздохнул: – Ладно, подождем еще, пойду я... – Он с кряхтением поднялся, двинулся к выходу, но чуть притормозил, проходя мимо стола, и спросил: – Пирожок еще возьму?

– Сделайте милость.

– Вот спасибо, – обрадовался председатель и быстро прибрал пирожок. У выхода снова остановился, задумчиво обзрел нехитрый интерьер и сказал: – Я к тебе, пожалуй, Клавдию подгоню – ну, секретаршу мою, – пусть поможет в шкафах убраться. А то не по чину тебе, лейтенант, эту пыль килограммами глотать.

– Может, не надо, Егор Васильевич? – взмолился Глеб.

– Надо, товарищ Соснин, надо, – ухмыльнулся председатель и вышел за дверь.

Деревня жила своей непростой мирной жизнью. Посетителей – тех, кому реально требовалась помощь милиции, пока не было. До обеда можно было посидеть в кабинете, потом отправиться на обход вверенной территории. Соснин смотрел на обтрепанную физическую карту, прибитую к стене. Ей было черт знает сколько лет, но что могло измениться в этом медвежьем углу? Здесь и через двести лет ничего не изменится. Карта отображала не весь район, только его западную часть, окрашенную в зеленый цвет – лесов здесь полно, а еще небольшие повышения местности, голые поля, до которых пока не дошли руки сельских тружеников. В левой нижней части карты – деревня Шамары, где он имел честь жить и работать. Чуть южнее и восточнее – еще две деревушки – Гурьевка и Быстровка, ничем не лучше этой – такая же глушь и разруха. На востоке, в двенадцати верстах, райцентр – крупное село Погребное, где есть все, что душе угодно: магазины, райком партии, приличные дома, парки и даже небольшой стадион. Практически центр мироздания – целых десять тысяч населения. Районная больница с моргом, районный отдел милиции, школы, детские сады. Довольно протяженная обжитая территория – вездесущий частный сектор. Других населенных пунктов карта не включала. Повсюду все те же леса, кое-где прорезаемые проселками. В трех верстах к северу от Шамар – так называемое Мараканское урочище – местность со сложным рельефом, сложной флорой и холодным отношением к ней местных жителей. Что в этой местности необычного, Глеб не видел, слышал только пересуды сельчан, но лично его подобные темы не интересовали. Ограниченная скалами территория примерно в пару квадратных километров, естественная природная чаша с собственным климатом, с собственной растительностью, отличающейся от обычной. У урочища дурная слава – что-то связанное с мистикой, суевериями, с традиционными народными страхами. Якобы в урочище пропадали и гибли люди, якобы в этой чаше царит атмосфера ужаса, людей преследует паника, галлюцинации. Да еще и немцы в период оккупации чем-то там занимались – то ли исследовали, то ли добывали, развели секретность, – а когда вышел срок, все взорвали и ушли. Местные туда не ходят. Зачем? Разве что развеяться от тяжелой деревенской жизни, обзавестись свежими впечатлениями...

Честно говоря, не тянуло. В мистику Глеб не верил, к фантастическим историям относился иронично. А если что-то не понимал, то не было у него такой привычки – лоб разбить, а докопаться до сути вещей...

Что он вообще тут делал? Как так вышло, что судьба занесла его в это гиблое место, где нет ни просвета, ни хоть малых перспектив? Родителей он не помнил, считалось, что они погибли в Гражданскую войну, оказавшись где-то под Уфой между красными и белыми. Семи-

летнего мальчишку сдали в детдом в Екатеринбурге, который впоследствии стал Свердловском. Свою ли он носил фамилию? Имел ли тот же возраст, что значился в его документах? Сейчас бы это никто не подсказал – раньше-то не могли. Человек без прошлого, без роду-племени, но какое это, по большому счету, имело значение? Иногда он терзался ночами, шатался из угла в угол, но, в принципе, на жизнь эти блуждания не влияли. Ведь он вырос в стране победившей пролетарской революции и ничуть не сомневался в верности выбранного курса. Удивлялся, как и все – чего ждут остальные страны? Даже дураку понятно, что весь мир придет к победе коммунистического труда, и воцарится новая эра светлых годов...

Однажды Глеб подумал: может, и к лучшему, что не знает своих родителей? А вдруг они были за белых? Как пережить такой позор? С 30-го по 33-й отслужил в РККА на Дальнем Востоке, поступил в Уральский технический институт на специальность «машиностроение». Спустя три года признался себе, к собственному стыду, что это беспросветная тоска и кем он точно не хочет быть – так это инженером-машиностроителем. Он переехал в Ленинград, где бывший сослуживец дешево сдавал квартиру, пошел работать в рабоче-крестьянскую милицию. Окончил соответствующую милицейскую школу. Оперуполномоченным стал в 1937 году, через пару лет возглавил опергруппу. Многое тогда случалось. Три года в институте пошли на пользу. Дело не в знаниях, а в том, что учили думать. Дважды ловил бандитские пули, но не фатально – медицина излечивала. Участвовал в раскрытии сложных и запутанных дел. Зачем-то женился – но это точно не от избытка ума. Через год развелся – и вздохнул с облегчением. Детей, слава богу, аист не принес. Он видел, как органы забирают ни в чем не повинных людей, и искренне недоумевал: за что? Может, он чего-то не знал об этих людях? Самого эта участь миновала, хотя людей вырывали даже из его коллектива.

А вскоре началась война. Северо-Западный фронт, командир роты полковой разведки, дальние и ближние рейды по тылам противника, безжалостная и беспощадная разведка боем... Случалось всякое: горел, тонул, полгода сидел в окружении в лесах Ленинградской области, кочевал с партизанами из одного уголка в другой – там и обрел навыки и повадки следопыта. Потом две недели в застенках Особого отдела – пока не выяснили, что никакой он не шпион и не диверсант. Однажды так «удачно» спрыгнул с парашютом, что стропы распутались лишь у самой земли. Уже простился с этим миром, падал и думал: а есть ли что-то после смерти? Так и не выяснил, пришлось воевать дальше. На дембель ушел раньше срока – бомба взорвалась за кирпичной стенкой, он попал под завал, а потом два месяца ничего не слышал. Трудно воевать с сурдопереводчиком...

Слух вернулся в мае 1945-го, когда уже и не надо было. Ленинград, родная милиция, старший оперуполномоченный Василеостровского райотдела... В ноябре брали крупного вора, связанного со службами тыла военного ведомства. Соснин лично разрабатывал операцию. Лично за все и ответил, когда прошел точку невозврата, и оказалось, что влез в операцию, проводимую «старшими товарищами» с Литейного проспекта. Вся их разработка разлетелась как картонный домик. А его предупредили? Последствия были ужасны. Дошло до высшего начальства. Ему светило реальное уголовное дело и посадка на долгие годы. Спасибо генералу Рахманову, непосредственному начальнику, не оставил в беде подчиненного. Понижение в звании – с капитана до лейтенанта, предписание в однодневный срок покинуть Ленинград и отправиться участковым в какую-то смоленскую дыру, где как раз освободилась вакансия участкового...

Это был удар ниже пояса. Израненное самолюбие бурно протестовало. Иногда казалось, что лучше бы на зону, чем это унижение. Но как-то взял себя в руки, поблагодарил генерала – тот выразил мнение, что однажды Соснин вернется в родные пенаты. Но уверенности в голосе генерала не было. Ленинградскую квартиру пришлось законсервировать. Чемодан с болтающейся ручкой, какие-то несерьезные денежные накопления, впрочем, достаточные, чтобы начать в деревне с чистого листа. До Шамар добирался от Смоленска на перекладных, оказалось, что даже райцентр Погребное – полная глушь, где нет ни аэропорта, ни железной дороги.

«Убитая» деревня производила тягостное впечатление. Но бабы остались довольны, а председатель райсовета Карпов и вовсе «плясал казачка»: наконец-то в деревне будет собственный милиционер, а то этого любителя горячительных напитков Крутаря так нехоти убили...

Увидев дом, где придется жить, Глеб впал в глубокое уныние – это вам точно не Рио-де-Жанейро... Первой мыслью было купить всю водку, имеющуюся в магазине, и уплыть по волнам забвения. Но сдержал естественный порыв, ограничился одной бутылкой, растянувшейся на три дня и не принесшей ни душевного, ни репутационного ущерба...

В итоге смирился. Везде живут люди. Везде есть хорошие и плохие. В Шамарах его ценили, выполняли все прихоти (хотя и не просил), практически отпадала нужда заботиться о хлебе насущном – все рядом. Было личное оружие, которое он имел право всегда носить с собой, была машина – переживший войну «ГАЗ-64»: агрегат с почти человеческим (то есть сложным) характером, но выполняющий все, что тебе нужно, если знаешь к нему подход...

– Разрешите, Глеб Максимович? – промурлыкали за спиной. Глеб стоял у окна, смотрел на старую церквушку, тусклый купол которой высывался из-за сельмага. Церковь закрыли еще в двадцатые – незачем советским гражданам навязывать то, чего нет. Помещение использовали как склад древесно-стружечных материалов. Здание опоясали забором. Старушки с тех пор молились по домам – что, в принципе, не возбранялось новой властью.

Он резко повернулся. В кабинет, крадучись, как кошка, вошла Клавдия Ивановна Берестова, секретарша Егора Васильевича. Видимо, закончила печатание под диктовку о первоочередных задачах советской власти. Особа интересная, хотя могла бы быть и чуть моложе. Язык у Клавдии Ивановны был без костей, она сама трещала, как печатная машинка, и терпеть ее можно было лишь в ограниченных пределах.

– Все хорошеете, Клавдия Ивановна? – отпустил комплимент Глеб.

– Ну что вы такое говорите, Глеб Максимович, – жеманно засмущалась секретарша. – Кто же в наше время хорошеет? У вас, должно быть, зрение портится... Батюшки! – ахнула секретарша. – Что с вами, Глеб Максимович? Вы же кровью истекаете!

Он не заметил, как под ноги натекла целая лужа! Вставал из-за стола, зацепил запястьем выдвижной ящик, почувствовал какой-то дискомфорт, но не придал этому значения. Оказывается, вчерашняя рана от бутылочного осколка снова вскрылась.

– Стойте так, никуда не уходите! – приказала секретарша и убежала. Вернулась через полминуты (ничего себе скорости) с бинтами и с какой-то мазью. Усадила его на стул, стала перевязывать. При этом делала все крайне медленно и склонялась очень низко – почти касаясь носом его лба.

– Что же вы так неосторожно, Глеб Максимович? – бормотала Клавдия, при этом голос становился вкрадчивым и пониженным. – Ох уж вы, мужчины, ничего не замечаете... Как лезть туда, где опасно, это всегда пожалуйста, а как побережься – это не про вас...

У секретарши неплохо получалось, видимо, окончила курсы медсестер. Но делала все очень медленно, и голова явно была занята чем-то другим. Глаза туманились, речь становилась сбивчивой. И неизвестно, чем бы это закончилось, если бы снизу, из подвала, не донесся душераздирающий вой!

Клавдия Ивановна отшатнулась, глаза ее наполнились ужасом. Очнулся наконец Ванька Кротов, вспомнил, что натворил, и завыл, как волк на луну. Он ничего не говорил, не матерился, просто выл – но так, что холод бежал по позвоночнику. Камера с решеткой находилась прямо под кабинетом, до источника шума – несколько метров. Затем послышался удар – возможно, бился головой о стену. Стена была земляной, вряд ли Кротов добился бы желаемого. Он снова начал выть – надрывно, страшно.

– Знаете что, Глеб Максимович, я, пожалуй, пойду, – пробормотала секретарша, перекусив зубами бинт. – С вашей рукой все в порядке, не помрете. А у меня еще есть дела, зайду попозже, хорошо? Ваши шкафы ведь никуда не убегут?

Она торопливо покинула помещение. Кротов продолжал выть, биться головой. Было слышно, как сыплется земля. Пришлось какое-то время наслаждаться этим звуковым фоном. Возможно, Кротов чувствовал чугунную поступь возмездия...

Глава вторая

Прошло несколько минут, и во двор сельсовета въехали несколько машин – это прибыли стражи порядка из Погребного. В коридоре затопали, дверь отворилась, вошли двое – мужчина и женщина. Видимо, стучать их не научили. На лицах обоих жирной краской было нарисовано раздражение. Мужчина был высокий, русоволосый, с квадратной челюстью и строгим лицом. Он был в гражданской одежде: серые брюки, серый пиджак, под которым оттопыривалась кобура. Спутница была ниже, можно сказать, даже миловидна, но на лице застыла гримаса недовольства, которая портила впечатление. Она носила широкие мужские штаны и гимнастерку без знаков различия. Кобура у барышни была пристегнута к поясу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.